

НАРОДЫ и КУЛЬТУРЫ

Абхазы

НАУКА

Абхазы

Ответственные редакторы:
Ю.Д. АНЧАБАДЗЕ, Ю.Г. АРГУН

Издание второе, исправленное

МОСКВА
НАУКА
2012

... сравнительно разнообразной фауны насекомых следует упомянуть два реликтовых вида: крупного хищного жука – кавказскую жужелицу (*Carabus caucasicus*) и брамею Ледерера (*Brama ledereri*), встречающуюся до недавнего времени в приморских лесах юго-восточной части Абхазии.

Современные особо охраняемые природные территории Абхазии представлены двумя заповедниками и одним национальным парком (Пицунда-Мюссерский государственный заповедник, Псху-Гумистинский государственный заповедник и Рицинский реликтовый национальный парк). Общая площадь всех охраняемых природных территорий составляет не менее 10% территории страны.

Следует обратить внимание на особую сторону традиционной культуры абхазов – хорошо развитые природоохранные традиции, определявшие характер основных форм природопользования (землепользования, водопользования, лесопользования, охоты и др.). Наличие природоохранных традиций в культуре, очевидно, может свидетельствовать о длительной и эффективной адаптации этноса к условиям страны и установлении в историческом прошлом устойчивых форм взаимодействия с природной средой.

АБХАЗСКИЙ ЯЗЫК

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Абхазский язык (абх.: *аҭсуа бызшәа*) вместе с абазинским языком составляют абхазскую подгруппу абхазо-адыгской группы северокавказской семьи языков. Другими языками этой группы являются ближайшие родственные между собой адыгейский и кабардинский языки, а также недавно (в 1992 г.) вымерший убыхский язык.

Схема эволюции общеабхазо-адыгского праязыка
Составитель В.А. Чирикба

Не исключено, что древним языком абхазо-адыгской группы являлся и вымерший хаттский язык, на котором говорило аборигенное население древней Малой Азии на рубеже III–II тыс. до н.э. Другой ветвью северокавказской семьи являются нахско-дагестанские языки (чеченский, ингушский, аварский, лезгинский, табасаранский, лакский и др.). Северокавказские языки не обнаруживают родственных связей с языками другой коренной кавказской языковой семьи – картвельской.

По переписи 1989 г. число абхазов в бывшем СССР составляло 105308 чел., из них 93,5% назвали абхазский язык родным. Большая часть абхазов проживает в Республике Абхазия (Апсны).

Значительное количество носителей абхазского языка живут также за пределами Абхазии. Несколько тысяч абхазов проживает в Аджарии (в основном в районе Батуми), куда они попали в XIX в. в результате массового переселения (*мухаджирства*), вызванного Кавказской войной. Кроме того, они живут в Турции (возможно, около 200 тыс. чел., по иным оценкам – до 500 тыс. чел.) и в ряде стран Ближнего Востока (в Сирии, Иордании и др.). Небольшие колонии абхазов, представленные преимущественно выходцами из Турции и стран Ближнего Востока, имеются в Западной Европе (в Германии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Великобритании и др.) и в США.

На территории Абхазии абхазский язык имеет статус государственного. Он является языком преподавания в начальной школе (все предметы на абхазском языке вплоть до четвертого класса), в средней (уроки родного языка и литературы) и в высшей школе (ряд факультетов в Абхазском госуниверситете). На абхазском языке издаются газеты, журналы, художественная, публицистическая и научная литература, вещают радио и телевидение, работают театры.

Большая часть абхазов двуязычна. Преобладает абхазско-русское двуязычие: 78,8% абхазов свободно владеют русским в качестве второго языка, а часть южных абхазов – также мегрельским. Число говорящих на грузинском языке в целом невелико. Аджарские абхазы, помимо родного и русского языков, владеют грузинским, а старшее поколение также и турецким. Для абхазов, проживающих в Турции, типично абхазско-турецкое, а для живущих в арабских странах – абхазско-арабское двуязычие.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Начало изучению абхазского языка было положено небольшой работой немецкого ориенталиста Г. Розена (*Rosen*, 1846). Однако первое подлинно научное и обстоятельное описание абхазского языка принадлежит выдающемуся российскому исследователю-кавказоведу, генералу П.К. Услару, создавшему первую грамматику абхазского языка (литографическое издание появилось в 1862 г., типографская версия – в 1887 г.). Эта работа вошла в золотой фонд кавказоведения и сейчас она не утратила своей научной значимости. А. Шифнер опубликовал в 1863 г. осуществленное им немецкое переложение этой работы, сделав ее доступной европейскому читателю. В дальнейшем абхазский язык являлся предметом изучения таких исследователей, как П. Чарая, Д. Гулиа, А. Хашба, В. Кукба, Б. Джанашиа, Х. Бгажба, Б. Шинкуба, К. Шакрыл, М. Циколия, Т. Халбад, В. Конджария, Т. Шакрыл, В. Бганба (в Абхазии), Н. Марр, А. Дирр, А. Генко, Н. Яковлев, А. Шагилов, А. Абдоков, И. Гецадзе, С. Старостин, М. Кумахов (в России), Г. Шмидт (в Финляндии), Г. Деетерс, К. Боуда (в Германии), Ж. Дюмезиль (во Франции) К. Ломтатидзе (в Грузии), В. Люкassen (в Нидерландах).

Основные центры по изучению абхазского языка – Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа и Абхазский госуниверситет (Республика Абхазия, г. Сухум), где работают абхазоведы-лингвисты В. Амичба, С. Амичба, Ш. Аристави, Н. Аршба, Р. Гублия, Б. Джонуа, О. Дзидзария, В. Касландзия, В. Кварчия, Э. Килба, Л. Саманба, Л. Хагба, А. Хеция, Л. Чкадуа, Е. Шакрыл и другие ученые. Изучается абхазский язык также в России (З. Габуния, В. Дыбо) и в Грузии (Т. Гванцеладзе). На Западе исследованием абхазского языка занимаются Дж. Хьюитт, З. Хиба (Великобритания), А. Спрайт, В. Чирикба (Нидерланды), Ж. Шарашидзе (Франция), Л. Триго, Д. Кэтман, Б. Вокс (США) и др.

I. ФОНЕТИКА

Абхазский язык принадлежит к числу так называемых консонантных. Его фонемный состав характеризуется исключительно сложной системой согласных (67 фонем в бзыбском) и минимально развернутой системой вокализма (2 гласные фонемы).

Консонантизм литературного языка насчитывает 58 согласных фонем (табл. 1), которые делятся на два больших класса – шумные и сонорные (вместе с полугласными). Шумные смычные и аффрикаты обычно представлены коррелятивной триадой в составе звонкого, глухого придыхательного и глоттализованного, классифицируются по месту (губные, зубные, велярные, увулярные, фарингальные) и по способу артикуляции (звонкие, глухие придыхательные, глоттализованные). Фонеморазличительными признаками являются также огубление (лабиализация) и смягчение (палатализация). Система спирантов двочленная (звонкий – глухой) и включает губно-зубной, зубной, увулярный и фарин-

Таблица 1

Согласные литературного абхазского языка

		Смычные			Аффрикаты			Спиранты		Сонорные	Полугласные
		зв.	гл.	глот.	зв.	гл.	глот.	зв.	гл.		
Лабиальные	губно-губные зубно-губные	б	п	п						м	ў
Зубные	простые	д	т	т	з	ц	ц	з	с	н	р
	огубленные	дә	тә	тә	зә	цә	цә				
Альвеолярные	простые				ц	с	с	ж	ш		
	огубленные							жә	шә		
	смягченные				ць	ч	ч	жь	шь		
Палатальные	простые										й
	огубленные										ә
Латеральные	простые							л			
Велярные	простые	г	к	к							
	огубленные	гә	кә	кә							
	смягченные	гь	кь	кь							
Увулярные	простые							г	х		
	огубленные							гә	хә		
	смягченные							гь	хь		
Фарингалы	простые							(аа)	х		
	огубленные								хә		
Ларингалы		(ә)									

ны также противопоставления по огубленности и по смягченности. В отдельный класс согласных выделяются сонорные и полугласные. Их специфика заключается в том, что они не вступают ни в какие коррелятивные отношения (за исключением й, чьим огубленным коррелятом является ә).

В алфавите знак ә передает признак огубленности, а ь – признак смягченности. Диакритика под буквой обозначает признак придыхательности (п, т, тә, к, кь, кә); кроме того, та же диакритика служит для различения звонкого спиранта я от звонкого смычного г; а в буквах ё и ч – для передачи глоттализованности; буквы п, т, к, ц также обозначают глоттализованные фонемы.

Фонемный состав диалектов богаче. Так, в бзыбском диалекте сохраняются специфические свистяще-шипящие сибиланты: пары спирантов з'-с', зё-сё, аффрикаты з'-ц'-ц', з' з'ә-ц'ә-ц'ә, неогубленные члены которых в абжуйском диалекте совпали со свистящими, а огубленные – с шипящими сибилантами. В абжуйском и садзском диалектах имеется глоттализованный спирант *phi*, представленный лишь в одном слове (*a-phi* “тонкий”). На периферии фонемной системы находится глоттальная смычка ь, которая присутствует в ряде междометий и звукоподражательных слов (ср.: минимальные пары ьах “нет” – хах “наш князь”, ьаи-ьаи “нет” – ааи-ааи “да”).

Система вокализма насчитывает лишь две основные гласные фонемы: *a*, *ы*. Своёобразием положения гласного звука, обозначаемого в орфографии диграфом *aa*. Исторически он восходит к звонкому эмфатизованному фарингалу *gl*. Хотя фонемный статус этого звука вызывает споры, ряд соображений позволяет считать, что *aa* является не долгим гласным и не сочетанием двух гласных (последние в абхазском недопустимы), а фонетической реализацией фарингала *gl*, сохранившегося в исконном звучании в абазинском языке.

Этот звук также присутствует и в ряде заимствований (ср.: *a-каамет* “светопреобразование” < тур. *keyâmet*; *a-маалыкъ* “ангел” < тур. *melâik*; *a-пааимбар* “пророк” < тур. *peyâmbir*; *a-лумаат* “лимонад” < рус. *лимонад*, *a-маат* “рубль” < груз. *manat-i*).

Помимо гласных *a*, *ы*, имеются и другие гласные звуки: *o*, *e*, *u*, *y*, которые в исконном абхазском лексиконе не имеют статуса фонем и появляются в результате взаимодействия гласных *a*, *ы* с теми или иными согласными (в основном с полугласными й, ў, ә). Звук *o* появляется в сочетании аў или в трифтонге аўа, реже при контакте с лабиализованными согласными. Звук *e* возникает на месте сочетаний ай > ей, йа > йе, өа > өе, аө > өө, реже из сочетаний *a* со смягченными согласными. Звук *u* появляется из сочетаний йы, ый, либо из ы в сочетании со смягченным согласным. Наконец, звук *y* появляется из дифтонгов ўы, ыў, либо из ы в сочетании с огубленными согласными. Дифтонги в абхазском представляют собой бифонемные сочетания.

В абхазском возможны довольно значительные комплексы согласных (ср.: четырехконсонантные комплексы в словах типа *a-цстхә* “туча”, *a-миццәгьа* “дурная погода”), однако более распространенными являются двух- и трехконсонантные сочетания (*a-мра* “солнце”, *a-цхтзы* “чесоточный”). Внутри морфемы число компонентов комплекса обычно не превышает трех. Исторически появление их зачастую обусловлено выпадением гласных в безударном слоге.

Ударение разноместное и способно служить средством смыслового различения: *á-ла* “глаз” – *a-lá* “собака”, *á-ча* “перепелка” – *a-чá* “хлеб”, *á-цара* “прыгать” – *a-цáра* “деньги” – *a-цáра* “вязать”.

Среди явлений морфонологического порядка отмечается озвончение классно-личных префиксов в позиции перед начальным звонким согласным переходного глагола

II. MORFOLOGIJA

Абхазский язык принадлежит к числу агглютинативных: словоформа состоит из цепочки морфем, каждая из которых, как правило, наделена лишь одним значением (моносемантическая). Морфемы разделяются на корневые и аффиксальные. Количество морфем в словоформе может быть довольно значительным (ср.: глагольную форму *и-аа-с-э-еи-лы-м-к-аа-ит* “я никак не смог этого понять”, содержащую 10 морфем: корень *к(ы)* “держат, хватать” и 9 аффиксальных морфем). Преобладают односложные глагольные корни открытого типа структуры CV. Двух- и трехсложные корни в исконном материале более редки и в целом более характерны для именных основ (исключение составляют глаголы ономастопозитического происхождения). Помимо самостоятельных корневых морфем имеются и так называемые связанные глагольные корни, употребляющиеся лишь в сочетании с теми или иными превербами и послелогами. Аффиксальные морфемы могут занимать как предкорневую (префиксы), так и посткорневую (суффиксы) позиции. Из 20 значимых морфемных позиций в глагольной словоформе перед корнем возможно наличие 13 аффиксальных элементов (в том числе и превербов), тогда как на посткорневую позицию приходится лишь 6 возможных аффиксов.

Части речи абхазского языка: глагол, существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, послелоги, союзы, частицы, междометия, дескриптивы.

Глагол занимает центральное место в морфологической системе и отличается богатством видовременных форм. Основными чертами, характеризующими глагол, являются противопоставление форм динамичности и статичности, переходности и непереходности, финитности и инфинитности, наличие классно-личного спряжения, сложной системы времен и наклонений (в числе последних наличие таких категорий, как союзность, каузативность, потенциалис, версия и др.).

Статические глаголы выражают состояние (*с-гылоуп* – я стою, *с-иоуп* – я лежу). Они лишены целого ряда словоизменительных категорий, присущих динамическим глаголам. Характерно, что для образования статического глагола может быть использована основа любого имени (*а-хычы* “ребенок” – *д-хычыуп* “он ребенок есть”; *а-цыз* “красивый” – *ды-цызуп* “она красивая есть”). Сам статический глагол, в свою очередь, может быть преобразован в динамический с помощью ряда аффиксов: стат. *и-шкэакэауп* – “то белое есть”, дин. *и-шкэакэахоит* – “то становится белым”; стат. *и-кьагуп* – “то короткое есть”, дин. *и-сы-р-кьагэуеит* – “то я коротким делаю/укорачиваю”. Динамические глаголы выражают действие или процесс и обладают всей полнотой видовременных форм, присущих абхазскому глаголу. Характерно, что основа ряда глаголов может включаться как в парадигму статических, так и динамических глаголов (ср.: *с-гылоуп* “я стою” – *с-гылоит* “я встаю”; *с-тэоуп* “я сижу” – *с-тэоит* “я сажусь”).

Одной из фундаментальных категорий в системе глагола является оппозиция по признаку переходности-непереходности. Переходными могут быть только динамические глаголы, а непереходными – статические и часть динамических. Основным морфологическим выражением различия между этими двумя классами глаголов является расположение классно-личных показателей. Другим средством различения переходных и непереходных глаголов является озвончение классно-личных префиксов в позиции перед начальным звонким согласным корня переходного глагола (ср.: *и-э[<с]-боит* – “то я вижу”), тогда как этого не происходит в непереходном глаголе (ср.: *с-гылоит* – “я встаю”).

зависимости от отсутствия или наличия прямого объекта, может становиться либо непереходной, либо переходной: *с-захуеит* “я шью/занимаюсь шитьем” – *и-э-захуеит* “то я шью”; *с-цоит* “я вяжу/занимаюсь вязанием” – *и-с-цоит* “то я вяжу”. Своеобразно положение инверсивных глаголов, спрягаемых по типу переходных, но по сути являющихся непереходными. Одним из признаков, которые отличают их от переходных глаголов, является отсутствие озвончения классно-личного показателя перед звонким согласным корня (ср.: переходный глагол *и-э-гоит* “то я беру” и инверсивный *и-с-гэацхоит* “то мне нравится”). Другое отличие инверсивных глаголов от переходных заключается в том, что при наличии преверба показатель субъекта при спряжении не вклинивается между превербом и корнем (ср.: *и-с-гэ-а-цхоит* “то мне нравится” – букв.: “то мне сердце греет”, преверб *гэ-* “сердце”), но в переходном глаголе *а-гэ-а-тара* “замечать” с тем же превербом картина уже иная – *и-гэ-а-с-тэоит* “то я замечаю”.

Существенной чертой абхазского глагола является противопоставление финитных (выражающих законченность, замкнутость предложения) и инфинитных (незаконченность, незамкнутость предложения) форм глагола (ср.: *и-э-боит* “то я вижу” – *и-э-баз* “тот, кого я видел”; *и-э-гаит* “то я возьму” – *и-э-гаиша* “то, что я возьму”).

Спряжение глагола является классно-личным и реализуется посредством включения в словоформу тех или иных классно-личных префиксов. В форме спрягаемого глагола отражается не только лицо и число, но и класс актанта: человека (женщина или мужчина) – нечеловека, которые различаются в форме 2-го и 3-го лица ед. числа переходных и непереходных глаголов. Во 2-м лице ед. числа показатель класса мужчины формально совпадает с показателем класса нечеловека (ср.: *у-ца* “ты (мужчина, животное) иди” при *б-ца* “ты (женщина) иди”). Глагол имеет восемь времен: одно настоящее, пять прошедших и два будущих. Временная парадигма динамических глаголов богаче соответствующей парадигмы глаголов статических. Внутри указанных парадигм проводится различие финитных и инфинитных форм.

Настоящее время нередко употребляется и в функции будущего (определенного), а его показателем является суффикс *-уа*, который в сочетании с конечным гласным корня реализуется в виде *-о-* (*с-ца-уа-ит* > *сцоит* “я иду”). Будущее I и II обладают ярко выраженными модальными оттенками вероятности, либо долженствования: *с-ца-ит* “я, по-видимому/скорее всего, пойду”, *и-ка-у-ца-иша* “то, что ты сделаешь/тебе надлежит или предстоит сделать”.

Система наклонений довольно сложная: изъявительное, отрицательное, повелительное, побудительное, возможности или потенциалис (*д-э-а-цхьом* “то она не может читать”), версии (*и-у-зы-ка-с-цоит* “то для тебя (муж.) я сделаю” – объектная версия, *и-л-цэ-зыит* “то она потеряла” – субъектная версия), желательное (*с-ца-нда(э)* “хотя бы я пошел”), ирреалис (*ды-у-ба-з-иша* “как будто ты (муж.) его/ее увидел”), условное, сослагательное, условно-целое (*и-э-га-ри(ы)* “для того, чтобы мне взять”), совместности (*д-и-ы-ц-цоит* “он(а) с ним идет”), каузатив (*и-л-захуеит* “то она шьет” – *и-л-сы-р-захуеит* “то ее я заставляю/побуждаю шить”), произвольности (*и-с-амха-хэеит* “то я невольно сказал”), возвратности (*с-еы-с-цэахоит* “я прячусь” – букв.: “я себя прячу”), взаимности (*и-еи-кэиэеит* “они встретились друг с другом”, *х-аиш-цап* “пойдем вместе”, *х-аиба-дырт* “мы друг с другом познакомились”).

Среди отглагольных образований выделяются причастия, деепричастия и масдар, которые по форме являются инфинитными. Причастия могут быть

у-префиксами и суффиксами и образуются с помощью относительных префиксов з-, и-. Префикс з- служит для передачи лица субъекта или косвенного объекта в причастиях, образованных от переходных глаголов (*избо < и-з-ба-уа* “тот, кто это видит”, *изылтзо < и-зы-л-та-уа* “тот, кому она то дает”), а в причастиях, образованных от непереходных глаголов – для передачи лица косвенного объекта (*д-зы-хэо* “тот, у кого он(а) просит”). Префикс и- в причастиях, образованных от переходных глаголов, выражает прямой объект (*ирбо < и-р-ба-уа* “видимый ими”), а в причастиях от непереходных глаголов – субъект (*ицо < и-ца-уа* “идуший”).

Деепричастия образуются либо чистой основой глагола (*и-сы-ма* “то я имея”), либо с помощью суффиксов *-уа (> -о)*, *-ны*, *-(м-)кэа* (*с-ца-уа* “я идя”, *с-гыла-ны* “я встав”, *с-ры-м-ба-за-кэа* “меня они не видя”, *сы-ка-мкэа* “меня не будучи”). Как и глаголу, деепричастию присущи категории лица, числа, класса.

Масдар совмещает признаки глагола и имени и оформляется суффиксом *-ра*, если глагол динамический (*а-ца-ра* “идти”, *а-цхьа-ра* “читать”), либо *-заа-ра*, если глагол статический (*а-ка-заара* “быть, существовать”, *а-ма-заара* “иметь”), в частности, если он образован от имени или преверб (*а-уафы-заара* “быть человеком”, *а-та-заара* “быть внутри”). Глагольные признаки масдара: категории каузатива, версии, взаимности, произвольности и др.; именные черты: возможность образования неопределенной формы (*а-дырра* “знать/знание” – *дырра-к* “какое-то знание”), наличие категории числа (*а-цхьара* “читать/чтение” – *а-цхьара-кэа* “чтения”), притяжательности (*с-цара* “мой уход”).

Существительное обладает грамматическими категориями числа, класса, притяжательности, определенности-неопределенности, инструменталиса. Система падежного склонения отсутствует. Семантически все существительные разделены на классы человека (и внутри его – класс женщин и класс мужчин) и нечеловека, что отражается морфологически в ряде указанных выше категорий. Имеется несколько показателей множественного числа, из которых *-цаа* и *-(р-)аа* закреплены за классом человека (*аба-цаа* “отцы”, *аб-раа* “родители невестки”, *ацсу-аа* “абхазы”), суффикс *-кэа* оформляет в основном референты относящиеся к классу нечеловека (*ацла-кэа* “деревья”, *ала-кэа* “собаки”), а также некоторые референты относящиеся к классу человека (*ахьаса-кэа* “женщины”). Непродуктивный ныне суффикс *-ар(а)* образует (коллективное) мн. число некоторых существительных обоих классов (*ас-ар(а)* “ягнята”, *арц-ар* “юноши”). Возможны и сочетания различных суффиксов множественности: *укэын-цаа-кэа-к* “какие-то ребята”, *ац-ар-кэа* “птицы”, а также использование формы ед. числа существительных для выражения мн. числа.

Определенно-родовой артикль *а-* может оформлять существительные как в родовой (общей) форме (*а-уафы* “человек (вообще)”, *хы-ми* “три дня”), так и в определенной форме (*уи а-уафы* “этот (определенный) человек”, *а-хы-ми* “(на) третий день”). Неопределенность выражается артиклем *-к* (*уафы-к* “некий человек”, *мыши-кы* “некий/один день”). Существительное может также быть представлено и в безартиклевой форме (*уафы* “человек”, *жэллары* “народ”). Притяжательность выражается посредством классно-личных префиксов: *сы-ицжэы* “моя книга”, *у-ёы* “твой (муж.) конь”. Для передачи инструментальности используется суффикс *-ла* (*лаба-ла* “палкой”), а для значения обстоятельственности – *-с* (*аицхабы-с* “в качестве старшего”).

Прилагательные подразделяются на качественные и относительные. Первые обычно стоят в постпозиции к определяемому (например, *аус ду* – “большое дело”). Сравнительная степень образуется с помощью слов *еица* “более”,

сом превосходной степени является *-за// -зза: а-ду-зза* “огромный”. Относительные прилагательные степеней сравнения не образуют, а по отношению к существительному они занимают препозицию. Аффиксом, образующим относительные прилагательные, является атрибутивный суффикс *-тэ(ы)//-тэи* (например, *аицхэтэы* “железный”, *ацыхэтэнтэи* “последний”). Препозитивную позицию занимают также существительные в функции определения: *амишын зы* “морская вода” (*амишын* “море”).

Наречия делятся на определительные и обстоятельственные. Определительные наречия, в свою очередь, подразделяются на качественные (*бэица* “хорошо”, *цкьа* “чисто”), количества и степени (*зынза* “совсем”, *акыр* “много”) и качественно-обстоятельственные (*иаразнак* “сразу”, *тынч* “спокойно”). Обстоятельственные наречия делятся на наречия времени, места, цели и образа действия.

Числительным присуще классное согласование. Маркером класса нечеловека в количественных числительных выступает суффикс *-ба: а-ба* “два”, *х-ца* “три” (*<х-ба*), *цшь-ба* “четыре”, *хэ-ба* “пять”, *ф-ба* “шесть”, *быжь-ба* “семь”, *аа-ба* “восемь”, *жэ-ба* “девять”, *жэа-ба* “десять”. Суффиксом, маркирующим принадлежность числительного к классу человека, является *-аы(-к): х-аы(-к)* “три (чел.)”, *цшь-аы(-к)* “четыре (чел.)”. Числительным “один” для класса человека является *азэы*, а для класса нечеловека – *акы*; “два” для класса человека имеет форму *аы-цьа*. От “одинадцати” до “двадцати” числительные образуются посредством сочетания корневых морфем: *жэа-аа* (нечел.) // *жэа-аа-аы* (чел.) “двенадцать”, *жэа-ха* (нечел.) // *жэа-ха-аы* (чел.) “тринадцать”, *жэо-хэ* (нечел.) // *жэо-хэ-аы* (чел.) “пятнадцать”. В составе некоторых числительных имеется соединительный союз и: *жэа-и-за* “одинадцать” (букв.: “десять-и-один”), *жэы-и-цшь* “четырнадцать” (“десять-и-четыре”), *зэ-и-жэ* “девятнадцать” (начальное *з-* получено по диссимилиации из исходной формы *жэа-и-жэ – букв.: “десять-и-девять”). “Двадцать” имеет структуру “дважды-десять” (*а-а-жэа*). Начиная с “сорока” счет идет по двадцатиричной системе: *аы-н-аажэа* “сорок” (“дважды двадцать”). “Сто” для класса нечеловека имеет форму *шэ-кы*, а для класса человека – *шэ-аы(-к)*. Помимо количественных, имеются также порядковые, собирательные, приблизительные, дробные, кратные, разделительные и распределительные числительные.

Местоимения бывают личные, притяжательные, указательные, вопросительные, определительные, неопределенные, которые согласуются по классу: личные местоимения *уара* “ты (муж.)”, *уара* “ты (жен.)”, *бара* “ты (жен.)”, *иара* “он (муж.)”, *иара* “он (нечел.)”, *лара* “она (жен.)”. Местоимения 1-го лица ед. и мн. числа, а также 2-го и 3-го лица мн. числа лишены классного согласования: *сара* “я”, *хара* “мы”, *шэара* “вы”, *дара* “они”. Пережитками категории инклюзива-эксклюзива некоторыми учеными считается наличие таких пар, как *хара* – *харт* “мы”, *шэара* – *шэарт* “вы”, хотя ныне данная категория в абхазском языке, по-видимому, отсутствует.

Служебными словами являются послелоги (аналогичные по функции русским предлогам): направительные, локативные, достигательные, инструментальные. Среди союзов следует упомянуть соединительные союзы *-и*, *-гьы*, противительный союз *аха* “но”, разделительные *ма*, *мамзар*, *акэымзар* “а не то, либо”. Частицы придают различные смысловые оттенки словам или фразам: утвердительность, подтвердительность (*исхэеит-еи* “ведь я уже то сказал”), отрицательность, усилительность, темпоральность, побудительность, сожаление.

Междометия выражают различные эмоции и чувства (*унан, хаи, ахахаи, абаапсы, ных, аашт*). Выделяется и довольно обширная группа дескриптивов, то есть лексем с пониженной или нулевой степенью грамматической категориализации; они занимают промежуточное положение между знаменательными словами и междометиями. По своей природе дескриптивы представляют собой либо звукоподражания, либо звуко-символические слова. Они могут выступать как в своей чистой форме, так и в аффиксальном оформлении (*а-дыжэ* – изображение звука удара). Дескриптивы легко включаются в парадигмы тех или иных частей речи, обретая тем самым категориальный статус знаменательного слова – наречия, глагола, прилагательного, существительного.

III. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Структура глагола представлена следующими моделями: простая основа, сложение основ, преверб + основа + расширитель корня, основа + расширитель корня. Простая основа чаще всего представлена одной фонемой или двухфонемным сочетанием (*к* “ловить, держать”, *шь* “убивать”, *ба* “видеть”, *га* “брать, нести”), хотя встречаются и более сложные образования. Сложение основ (за исключением редупликации) не очень распространено, основными моделями здесь являются: именная основа + глагольная основа (*а-та-рх-ра* “косить” – букв.: “сено косить”), глагольная основа + глагольная основа (*а-не-и-аа-и-ра* “прогуливаться” – букв.: “туда идти – сюда идти”). Редупликация, напротив, используется довольно широко (*а-кальшь-малышь-ра* “небрежно брести”). Гораздо более распространено образование глаголов с помощью превербов (модель “преверб + основа глагола”), передающих пространственные параметры действия (вверх – вниз, туда – сюда, наверху, внутри и т.д.), например, *гыла* “стоять, встать”: *а-д-гыла-ра* “становиться рядом”, *а-ва-гыла-ра* “становиться сбоку”, *а-ца-гыла-ра* “становиться под”, *а-кэ-гыла-ра* “становиться на что-л.”, *а-ха-гы-ла-ра* “становиться над чем-либо”. Ряд глаголов без превербов не употребляется (ср.: глагольный корень *ла* “идти, входить”: *а-ла-ла-ра* “входить в массу [в воду, в лес]”, *а-та-ла-ра* “входить внутрь”, *а-ца-ла-ра* “входить под”, *а-ана-ла-ра* “входить в дом”). Из двух глагольных расширителей *-аа-* и *-ла-* первый выражает направление “сюда” (*а-т-ур-аа-ра* “вылетать снизу [сюда]”), а второй – направление “туда” (*а-ла-га-ла-ра* “вносить в среду чего-либо”). Эти суффиксы способны изменять и семантику исходного глагола. Одним из средств глагольного словообразования является инверсия – любое имя легко включается в глагольную парадигму: *а-хаца* “мужчина”, *д-хацо-уп* “он мужчина (есть)”, *а-хаца-ха-ра* “становиться мужчиной”, *а-хаца-заа-ра* “быть мужчиной”. Помимо редупликации основы одним из средств глагольного словообразования является геминация (удвоение) корневого согласного (например, *ажгара* “рвать” – *ажьжэжгара* “рвать на мелкие кусочки”).

Словообразование существительных включает две основные модели – основосложение и суффиксацию. В основосложении выделяются следующие типы: сочетание двух основ существительных (*а-мца-бэ* “пламя” – букв.: “огонь-язык”); основа существительного + основа прилагательного (*а-ёы-зра* “пегая лошадь”); основа существительного + основа глагола (*а-цла-р-кэыкэ* “дятел” – *ацла* “дерево” и *а-кэ-ра* “рвать в клочки”); сочетание двух основ существительных с помощью соединительного элемента *-и-* (*а-че-и-цыка* “хлеб-и-соль”), с помощью притяжательного аффикса (*а-пе-и-па* “внук” – букв.: “сын-его-сын”). Встречаются и более сложные образования. Среди словообразовательных суффиксов наиболее продуктивными являются: *-га* с инструменталь-

раста”, *ацацелка* “поселок”), так и советского периода, включая большой объем интернациональной лексики (*акосмос* “космос”, *атеатр* “театр”, *абригада* “бригада” и т.д.).

Еще в дореволюционный и, особенно, в советский периоды, была создана масса неологизмов, часто согласно соответствующим моделям русского языка (ср.: *акэгылара* “речь, выступление”, скроенное по ассоциации с русским “выступление”). В других случаях новые слова создавались без ориентации на другие языки (ср.: *афымца* “электричество”, составленное из *афы* “молния” и *амца* “огонь”, *а-наплакы* “предприятие”, составленное из *а-напы* “рука”, инструментального суффикса *-ла* и глагольного корня *кы-* “держат в руке” и т.д.). В течение последних десятилетий XX в., особенно со времени достижения фактической независимости Абхазии в 1993 г., наблюдается интенсификация усилий по “очистке” литературного языка от явно заимствованных лексем. Предпочтение в создании новых слов отдается архаичным, либо диалектным словам, например, *амиацымза* “апрель” (досл.: “месяц пасхи”) или старым заимствованиям, хорошо адаптированным и воспринимаемым как исконные (например, *адэжбан* “магазин”, из турецкого *dükkan*, заменившее более позднее пришедшее из русского *амагазин*). Некоторые существующие слова получают дополнительное значение, например, *ацацэдыра* “вакуум”, помимо основного значения “пустота”. Много, наконец, совершенно новых образований, типа *атэылауаѳ* “гражданин” (*атэыла* “страна”, *ауаѳ* “человек”), *амзар* “календарь” (*амза* “месяц”, плюс именной суффикс *-р*) и др.

Состав традиционной топонимии Абхазии довольно однороден с точки зрения ее языковой принадлежности и находит объяснение на материале либо абхазского, либо родственных адыгских языков. Это относится к названиям населенных пунктов, например, Гагра из более старой формы *Гакыра – “держашее побережье” (этимология В. Кварчия), *Азэыбжэ* – “Междуречье”, *Хэаста* – “Хоста” (букв.: “Лукоморье”). Выделяется ареал топонимов с формантом *-рыцшь*, имеющих отчетливую концентрацию на северо-западе Абхазии, особенно в зоне распространения садзского диалекта (Гэылрыцшь, Жэандрыцшь, Гагрыцшь). Из других топо-формантов частотны *-та* с локативным значением (Гэдаута, Бзыцта), *-ра* (Гагра, Ачандара), *-рхэа* (букв.: “их холм” – Блабырхэа, Чаабалырхэа) и др. К абхазскому языку (или шире – к абхазо-адыгским) принадлежат и основные гидронимы исторической Абхазии (Гэымста, Псоу, Бзыц, Хыцста). Среди иноязычных топонимов можно упомянуть такие, как Пицунда, Кьалашэыр (оба греческие), Чхэартал (мегрельское), Соуксу (турецкое).

Довольно богата абхазская антропонимия, в составе которой немало имен исконного происхождения: Ахра (муж.) “скала”, Амра (жен.) “солнце”, Наала (жен.) “ладная”, Хьыбла (жен.) “златоглазая”, Хьыс (жен.) “золотая птичка”, Шьханыкэа (муж.) “ходок по горам”, Сасрыкэа – по имени популярного персонажа нартского эпоса и др. Среди имен иноязычного происхождения имеются грузинские (Мзия, Натела, Циала), большая часть последних, в свою очередь, восходит к иноязычным – к арабскому, персидскому или тюркскому источникам (например, Жэраб//Зураб, Гиви, Тенгыыз). Распространены и так называемые мусульманские имена, проникшие к абхазам от турок или адыгов (Темыр, Фатма, Шабатъкэа; последнее имя из адыгских языков). Некоторые имена адыгского происхождения (Псабыда, Шьмаф, Ханашэ) ныне воспринимаются как архаичные. Весьма распространены и русские имена.

Наиболее древней письменной фиксацией абхазского языка, возможно, является слово “Аки” или “Аку” в греческой надписи на золотых монетах колхидской чеканки (III–II вв. до н.э.), отождествляемое Д. Капанадзе с абхазским ойконимом Акэа “Сухум”. Более гипотетично сравнение греческого и римского *apšil-*, грузинского *apšil-* (древнегрузинские источники упоминают *apšil-et-i* – “землю апшилов”) и армянского *apšil-* “апшил” (древнеабхазское племя) с названием воинственного народа *абешила* в северо-восточной Малой Азии, известного из ассирийских хроник XII в. до н.э.

Классические греческие и римские авторы зафиксировали такие абхазские этнонимы как апсилы, абаски, мисимяне, саниги и др. Этноним *ансила* содержит тот же элемент *анс*, что и абхазское самоназвание *апс-уа* (-уа – “этнический” суффикс, абх.: люди) (*Chirikba*, 1991. Р. 13–18).

Греческий этноним *Abasg-oi*, *Abask-oi*, который является источником грузинского *архаз-и* (с метатезой обязанной, вероятно, мегрельскому посредству) и, в конечном счете, русского *абхаз* (из грузинского), по всей видимости, основано на старобабхазской форме множественного числа *абаз-гла* “абазы” (ед.ч. *абаз*, ср.: адыг. – *абазэ* “абазин”, тур. – *абаз* “абхаз, абазин”), к которому был добавлен греческий суффикс *-oi*. Древнерусское *обезь* “абхаз”, так же как адыгские и турецкие формы, отражает форму единственного числа того же термина.

Византийские источники упоминают такие абхазские топонимы как *Цибиле/Цибилон* (совр. Цабал), *Тцахара* (ср.: совр. гидроним (А-)згара – букв.: “мелководье” – см. *Кварчия*, 2006. С. 80), личные имена Туана (ср.: абхазскую фамилию Тэан-ба – см. *Инал-уна*, 1976. С. 234, 267), Хадос (возможно, отражение старобабхазского *хъада* “лидер”). Древний письменный источник – “Армянская география” *Аиухарауйиц* (VII в. н.э.) упоминает топоним *Писинун* в Абхазии. Этот этноним арменовед В. Бутба отождествляет с современным абхазским Апсны “Абхазия” (*Бутба*, 2001. С. 78).

В средневековых грузинских хрониках упоминается слово *Лашиа*, используемое как прозвище Георгия, сына знаменитой грузинской царицы Тамар (XII в. н.э.), и переводимое, как объяснено летописцем, с языка “апсаров” (то есть абхазов) как “светоч”. *Лашиа* действительно основывается на абх. *а-лашиа* “свет” (*Кларош*, 1814. С. 180). В то время как *анс-ар* содержит тот же корень, что и абхазское самоназвание *апс-уа*, а также архаичный суффикс множественного числа *-ар*.

Карта, составленная генуэзцем П. Весконтти (1318), передает название современного г. Гагра как *Kakara*, которое упоминается и позже, в 1494 г., в форме *Kakkari* на карте Фредуче. Эти формы отражают первоначальное звучание топонима, *га-кы-ра, убедительно объясненное В.Е. Кварчия как “держщее/удерживающее побережье” (*Кварчия*, 1985. С. 26).

Доминиканский монах Джованни да Лукка, посетивший в 1637 г. Абхазию, упоминал, что местного правителя звали *Пузо*, которое П.К. Услар (1887. С. 155) соотнес с абхазским словом *апыза* “вождь, лидер”. Более пространные записи абхазского языкового материала появились лишь в XVII в. в “Книге Путешествий” (*Seyahatname*) знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби, который зафиксировал приблизительно 40 слов и фраз на “языке странных и удивительных абазов” (*lisa:n-i aci:b u gari:b-i Aba:za*). Анализ абхазского лингвистического материала, весьма точно переданного Челеби арабскими буквами (как известно, его мать была абхазкой, и он мог слышать язык

Схема абхазо-абазинского диалектного членения

Составитель В.А. Чирикба

дома), показывает, что он отражает лексику садзского диалекта (*Chirikba*, 1996. Р. 67–68).

Приблизительно 40 абхазских слов опубликовано в книге, изданной на армянском языке в 1819 г. армянским путешественником Минаем Медичи (*Меликсет-Бек*, 1950). Маленький список абхазских слов в книге 1841 г., написанной английским путешественником Джеймсом Станиславом Беллом, по всей вероятности так же, как и записи Челеби, представляет образчик садзского диалекта, демонстрируя такие садзские черты, как удвоение согласных, полногласие и некоторые специфические лексемы (*Chirikba*, 1996. Р. 68). Краткий список абхазских слов дается в приложении к первому тому книги Гамба (*Gamba*, 1820–1824). Приблизительно между 1830 и 1840 г. российский офицер В. Романов составил небольшой русско-абхазский словарь (содержащий примерно 2 тыс. слов и 4 страницы коротких фраз). Эта рукопись была недавно обнаружена французским филологом Бернром Утье в Публичной Библиотеке в Тбилиси. Более обширные списки слов, изданные Палласом (1786–1789), Эллисом (1788), Гюльденшtedтом (1791) и Клапротом (1814), отражают тапантский и ащхарский диалекты.

АБХАЗСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

До 1864 г., то есть до начала массового выселения абхазов в Турцию, Абхазия делилась на три диалектные зоны – садзскую, бзыпскую и абжуйскую, хотя не исключено, что и речь этнотерриториальной группы *ахчпысо* также представляет собой отдельный диалект. Ныне в Абхазии существуют два диалекта – бзыпский и абжуйский.

Садзский диалект был распространен на западе исторической Абхазии, от р. Бзыбь до р. Хосты с вкраплениями и далее на северо-запад, к долине р. Сочипста (район совр. Сочи). В садзском выделяется два говора – *халцыс* и *цвыджи*. Носители первого говора населяли села Хамыц (Хоста), Арыд-кыта (совр. Адлер), Хыщха, Цандрыщц, Гячрыщц, Багрыщц, Мкялыщц (в верховьях р. Псоу), Гагра и др. Носители говора цвыджи проживали на р. Кудепста, по р. Мацеста селилась садзская община *чуа*, а выше садзов – горные абхазские этнотерриториальные группы *ахчпысо* или *ахчпысы* (в верховьях р. Мдзымта), *аибга* (в верховьях р. Псоу) и *чужгуча* (на р. Цвижепсы, притоке Мдзымты). К ахчпысо были близки и обитатели высокогорного с. Псху. Все эти группы

скую Империю, что привело к исчезновению с территории Абхазии как садзского диалекта, так и наречия *ахчпысы*. В настоящее время носители халцъского говора садзского диалекта и наречия *ахчпысы* проживают на севере центральной части Турции вокруг г. Адапазары и Хендек, а носители говора цвйджи – на северо-западе Турции близ г. Биледжик. Часть батумских абхазов также являются по происхождению садзами.

Вторая, бзыпская (по названию р. Бзыбь) диалектная зона простирается от г. Гагра до г. Сухум. Бзыпский диалект членится на три говора – лыхненский (по названию с. Лыхны), калдахуарский (по названию с. Калдахуара) и аацынский (по названию с. Аацы), различия между которыми крайне незначительны и носят в основном фонетический характер. В Турции носители бзыпского диалекта составляют большую часть абхазской диаспоры, они проживают в селах, расположенных между Стамбулом и Анкарой (особенно вблизи г. Дюздже и Адапазары), а также вблизи причерноморских городов Самсун и Синоп.

Абжуйская диалектная зона простирается на восток от Сухума – вплоть до г. Гал. Абжуйский диалект делится на три говора: атарский (по названию с. Ата-ра), чхуарталский (по названию с. Чхуартал) и джгярдинский (по названию с. Джгярда), различия между которыми несущественны. В Турции носители абжуйского диалекта немного, проживают они на севере, в основном близ г. Хендек. Не исключено, что цабалское наречие, носители которого проживают на западе Турции в провинциях Бурса, Биледжик, Эскишехир и Кютахья, представляет собой архаичную форму абжуйского диалекта. До поголовного выселения в Турцию цабалцы проживали в верховьях р. Кодор в районе Дал-Цабал.

Помимо названных диалектных зон имеются и переходные говоры жителей с. Эшыра и Багмаран близ Сухума, которые обнаруживают черты, характерные как для бзыпского, так и для абжуйского диалектов. При этом эшерский говор более тяготеет к бзыпскому диалекту, а багмаранский – к абжуйскому. В целом же оба эти говора в какой-то степени отражают особенности гумского (абжявинского или сухумского) переходного говора, на котором пока еще говорят в Турции (в частности, в с. Гума на севере Турции близ г. Дюздже).

Абхазские диалекты очень близки между собой. Фонетические и морфологически наиболее отличным из них является садзский диалект, а фонетически наиболее архаичным – бзыпский.

В истории абхазского языка могут быть выделены следующие исторические стадии: 1) общеабхазский период; 2) отделение тапантского диалекта от общеабхазского языка; 3) отделение диалекта ацхаруа от южноабхазского; 4) разделение южноабхазского на юго-восточные (бзыпский, абжуйский, ахчпысы) и юго-западный (садзский) диалекты.

Ацхарский диалект в целом может считаться переходным между тапантским и южноабхазскими диалектами, а ахчпысы – переходным между садзским и бзыпским.

ПИСЬМЕННОСТЬ

У нас не имеется данных, которые бы указывали, что до середины XIX в. абхазы обладали какой-либо письменной традицией на родном языке. В качестве косвенного намека на, по крайней мере, теоретическую возможность существования некоторой грамотности на абхазском языке в древние времена может быть упоминание *абасгов* (абхазов) в “Жизни Константина” (IX в.) среди тех на-

анское богослужение на родном языке (Kollautz, 1968. S. 51). Ссылка на аохазов как имеющих христианское богослужение на родном языке содержится и в книге баварского автора XV в. Иоханна Шильтбергера (The Bondage and Travels..., 1879. P. 78). Русское “Сказание о Вавилоне” (рубеж XIV–XV в.) упоминает надписи, сделанные на трех языках: греческом, абхазском (обезском) и русском, но не вполне ясно, подразумевал ли автор собственно абхазов, либо грузин, так как до XVI в. термины *без*, *обез* (“абхаз”) использовались в русском языке для обозначения как абхазов, так и грузин (Сказание о Вавилоне..., 1999. С. 50–55, 520).

Первая книга на абхазском языке, “Абхазский букварь” (Ацшәа Анбан), вышла в свет в 1865 г. под наблюдением русского ориенталиста генерала И.А. Бартоломея на основе кириллической транскрипции, используемой в абхазской грамматике П.К. Услара. Второй абхазский букварь был издан в 1892 г. педагогом Сухумской Горской школы К.Д. Мачавариани и его учеником, впоследствии народным поэтом Абхазии Д.И. Гулиа. В изданном анонимно в 1906 г. букваре частично использовался материал Мачавариани и Гулиа. Несколько позднее алфавит Мачавариани и Гулиа был усовершенствован педагогом и общественным деятелем А.М. Чочуа и использовался в абхазских школах в 1909–1926 гг. В 1926 г. академик Н.Я. Марр предложил свой собственный, так называемый “аналитический алфавит”, основанный на латинских буквах, который, после горячих дебатов, был принят в Абхазии. Но спустя лишь два года, в 1928 г., он был заменен вновь созданным “унифицированным” латинским алфавитом, разработанным другим великим русским кавказоведом, Н.Ф. Яковлевым. В 1938 г. абхазский алфавит, в русле проводившейся в тот период в Абхазии политики грузинизации, был переведен на грузинскую графику. В 1945–1946 гг. абхазские школы были ликвидированы, языком обучения стал грузинский, неизвестный большинству абхазов. После смерти И.В. Сталина в 1953 г. абхазские школы были вновь открыты и в 1954 г. вернулись к алфавиту А.М. Чочуа, которым, с некоторыми модификациями, пользуются и поныне. Частая и порой неоправданная смена алфавитов не могла не сказаться отрицательно на функционировании и развитии литературного языка.

Из зарубежных опытов создания абхазской письменности можно упомянуть абхазскую азбуку, разработанную на основе латинской графики просветителем Мустафой Бутба (*Abitp*, 1919) и опубликованную в Стамбуле, за семь лет до латинизированного алфавита Марра и за девять лет до введения алфавита на латинской графической основе в Турции. Однако какого-либо широкого практического применения в условиях Турции эта азбука не имела.

Порядок букв абхазского алфавита следующий: *а, б, в, г, гь, гз, г, гь, гз, д, да, е, ж, жь, жз, з, з, за, и, к, кь, ка, к, кь, ка, л, м, н, о, п, п, р, с, т, та, т, та, у, ф, х, хь, ха, х, хь, ца, ц, ць, ца, ч, ч, в, е, ш, шь, ша, ы, ц, ць, а, б, а*.

Хотя в основу абхазского алфавита положен фонологический принцип (один знак или их сочетание – одна фонема), он не всегда выдерживается. Нет строгой последовательности в передаче таких дополнительных признаков как сонанта *й*, имеющегося в некоторых более ранних версиях абхазского алфавита. Частичная реформа письменности 1996 г. устранила один из главных недостатков алфавита А.М. Чочуа, унифицировав передачу огубленности посредством знака *ә*, вместо употребляемых ранее для этой цели двух различных знаков (*ә, у*).

“Краткой священной истории” (1866), “Божественной литургии Иоанна Златоуста” (1907), Требника (1907), Служебника (1907), Евангелия (1912) и др., а также сборник поэтических произведений Д. Гулиа (1912) и драма С. Чанба “Амхаджир” (1920). К 1919 г. относится выход первой абхазской газеты “Ацсны” (“Абхазия”).

Диалектной базой литературного абхазского языка является его южный, абжуйский диалект, более простой в фонетическом отношении (59 согласных фонем) по сравнению с бзыбским (67 согласных); литературный язык содержит 58 согласных, так как в него не включена редкая фонема фI, встречающаяся в абжуйском диалекте. Развитие литературного абхазского языка насчитывает (по А.Н. Генко) три этапа: 1856–1866 гг. – время создания “Абхазского букваря” И.А. Бартоломея и перевода “Краткой священной истории”; 1892–1921 гг. – выход первых книг Д.И. Гулиа, учебников А.М. Чочуа, абхазской газеты “Ацсны”, драмы С.Я. Чанба “Амхаджир”; с 1921 г. по современный период – публикации произведений Д.И. Гулиа, С.Я. Чанба, И.А. Когониа, Б.В. Шинкуба, И.Г. Папаскири, М.Л. Хашба, Д.В. Дарсалиа и др.

В.Х. Конджария придерживается иной периодизации литературного абхазского языка, выделяя два периода: до- и послереволюционный. Выдающуюся роль в становлении и развитии литературного языка сыграло творчество классика абхазской литературы Д.И. Гулиа (1874–1960), заложившего основы многих жанров современной литературы. Молодая абхазская литература питалась мотивами нартских сказаний, историко-героических и мифологических преданий, песен, сказок, народных баллад, басен, анекдотов. За более чем вековой период своего развития абхазский язык выработал более или менее нормированную орфографическую систему, богатую терминологию, различные функциональные стили.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Систематическое антропологическое изучение абхазов берет свое начало с 1879 г., когда в трудах “Антропологической выставки” вышла работа А.П. Богданова (1882). В ней, наряду с другими материалами, дается сравнительное описание 23 абхазских черепов из могильников XIX в. Приведенные им материалы были обработаны и тщательно анализированы на достаточно высоком научном уровне, однако, в связи с отсутствием палеоантропологических материалов других эпох, выводы и положения данной работы, вопросы этногенеза и расовой характеристики абхазов не могли быть решены. Черепы, обработанные А.П. Богдановым, были доставлены в Москву В.И. Чернявским в 1878 г. из Абхазии и впервые подробно были описаны А.А. Тихомировым (1882) и повторно самим А.П. Богдановым (1882). Эти же черепы измерялись и изучались на современном уровне методики М.Г. Абдушелишвили (1964) и В.П. Алексеевым (1974).

Данная серия черепов сейчас хранится среди коллекции Института и Музея антропологии МГУ № 3825–3904, 5106, 5149 (Алексеева и др., 1986). Другие какие-либо серии черепов из Абхазии в антропологическом изучении абхазов до сих пор не рассматривались.

С 1886 г. берет свое начало изучение живого населения Кавказа, в том числе и абхазов. Среди остальных групп Кавказа Е. Шантр описывает четырех абхазцев (*Chantre*, 1886). В последующем публикует обширные материалы по